

under the NEP (1922–1925)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2013, no. 4, pp. 112–127.

25. Shmelev N. P. *Avansy i dolgi* [Advances and debts]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1989, 144 p.

26. Shmelev N. P., Popov V. V. *Na perelome* [At the turn]. Moscow, Agentstvo pechati Novosti Publ., 1989, 400 p.

ЧИГИРИНСКИЙ ПОХОД 1677 г. КАК АПОГЕЙ ПЕРВОГО РУССКО-ТУРЕЦКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Кривоченков Роман Сергеевич, кандидат исторических наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Российская Федерация, 308085, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: krivochenkov@bsu.edu.ru, romul9@bk.ru

Статья посвящена изучению первой русско-турецкой войны с подробным анализом Чигиринского похода 1677 г. как первого крупномасштабного сражения между Россией и Османской империей из-за Украины, что в свете современных русско-турецких отношений заставляет нас обратиться к опыту истории. На основе архивных и опубликованных источников рассмотрены военные действия, которые проходили на Малороссийском военном театре боевых действий, с целью определения уровня боевой подготовки вооруженных сил в целом. Предпринята попытка проанализировать качественный уровень различных родов войск участвовавших в сражениях Чигиринской компании 1677 г. В выводах статьи на основе военной кампании 1677 г. определяется уровень развития военного дела и достоинства русских войск, а также негативные составляющие принижаящие военный потенциал русской армии. Рассматриваются взаимоотношения в стане русско-украинских войск с целью подтвердить или опровергнуть принятую в отечественной историографии модель боевого братства народов на основе взаимовыручки казаков и московских ратных людей в осажденном Чигирине. Предпринята попытка составить свою картину видения проблемы, тем более что современные реалии русско-украинских отношений, имеют много общего с теми давно минувшими временами.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1672–1681 годов, Чигирин, Россия, Турция, Украина, военная история, армия, русско-турецкие отношения, русско-украинские отношения, опыт истории

CHIGIRINSKY CAMPAIGN 1677 AS THE APOGEE FIRST RUSSIAN-TURKISH CONFRONTATION

Krivochenkov Roman S., Ph.D. (History), Senior Lecturer

Belgorod State National Research University

85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation

E-mail: krivochenkov@bsu.edu.ru, romul9@bk.ru

The article is devoted to the study of the first Russian-Turkish war, with detailed analysis Chigirinsky campaign in 1677, as the first large-scale between Russia and the Ottoman Empire for Ukraine in the light of modern Russian-Turkish relations, make us turn to the experience of history. Author cycling as an archival and published sources is considering military action, which took place at the Little Russian military theater of hostilities, in order to determine the level of combat training of the armed forces as a whole. The author attempts to analyze the quality of various types of troops participating in the battles of 1677 Chigirinskaya. The conclusions of the article on the basis of the military campaign 1677g. It is determined by the level of development of military affairs and dignity of Russian troops, as well as the negative components belittle the military potential of the Russian army. The article deals with relationships in the camp of Russian-Ukrainian troops to confirm or refute the accepted model in the national historiography of combat brotherhood of peoples based on mutual Cossacks and Moscow military men in besieged Chigirin. The author attempts to make a picture of the vision problems, especially as current realities Russian-Ukrainian

Keywords: Russian-Turkish war of 1672–1681 years, Chigirin, Russia, Turkey, Ukraine, military history, army, Russian-Turkish relations, Russian-Ukrainian relations, the history of experience

Чигиринские походы 1677–1678 гг. стали апогеем русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Этим и объясняется наличие многочисленных работ по данной проблеме. Подробнейшим образом описаны баталии и ход кампаний 1677 и 1678 гг. в трудах историков дореволюционного периода и советского времени. Поэтому в нашем изыскании мы постараемся как можно меньше останавливаться на общих вопросах, касающихся Чигиринских походов, и постараемся в большей степени сконцентрироваться на военных подразделениях и их боевой выучке.

Для общего понимания хода обеих кампаний необходимо отметить, что стратегический план русской стороны был направлен на решающие сражение возле стен Чигиринской крепости, которая должна была выдержать осаду до подхода основных сил. Османская империя в ходе 1677 г. определяла свои военные притязания первоначально казацкой столицей Чигирином, вероятно в попытке тем самым утвердить власть на Правобережье за своим ставленником Юрием Хмельницким, а затем в зависимости от успеха Чигиринской осады, предполагался поход на Киев [1, № 34, с. 51, 53] и Левобережную Украину.

Наиважнейшими сражениями 1677 г. по праву считаются переправа русско-украинских войск через Днепр в районе Бужина и оборона Чигирина, в результате которых есть возможность проанализировать уровень развития военного дела русской армии. Количественные соотношения вооружения и ратных сил, достаточно основательно изучены в отечественной историографии, хотя и выявили некоторые спорные моменты. Лишь для сравнительных характеристик приведем основные данные о противоборствующих армиях и о защитниках Чигирина.

Опубликованные архивные данные о состоянии армии под командованием Г.Г. Ромодановского в последней декаде июля 1677 г. определяют следующие количество: не считая черкас, на службу явились 34536 чел., а 6206 чел. значились «в нетех». Московские выборные полки и столичные стрелецкие приказы были практически в полном составе: 6395 чел. и только 1 нетчик [16, ф. 210, оп. 19, столб. Севский ст. Стб. 310. л. 562–573]. Примерно такое же количество войск указывается в «Дневнике» П. Гордона от 27 июля за тем лишь исключением, что нетчики вероятно не учитываются «армия ныне в сборе... всего более 42 000 человек» [6, с. 12].

По другим опубликованным архивным источникам, фигурирует цифра 32 тыс. ратных войск (с полками «прибылой рати» В.Д. Долгорукого до 49 тыс.), артиллерия насчитывала 126 орудий разного калибра [16, ф. 210, оп. 13, столб. Бел. ст. № 848, л. 618; 5, с. 522; 7, с. 37; 3, с. 65], важно отметить, что около 67 % армии Ромодановского составляли регулярные полки, обладавшие более высоким уровнем боевой выучки. Не этим ли объясняется желание гетмана Самойловича пополнить свое казацкое войско за счет драгунского полка Андрея Гамолтона [1, № 52, 55]. Украинское войско по источникам насчитывало 20 тыс. казаков [1, № 73, 80]. В тылу основных войск прикрывая Киев, находилась резервная армия под командованием В.В. Голицына, имевшая в своем составе 15 тыс. человек [6, с. 17; 8, с. 38]. Итого в Чигиринскую кампанию действующая российская армия вместе с казаками гетмана Самойловича усреднено насчитывала 84 тыс. человек.

Точное количество войск Османской армии определить до сих пор крайне затруднительно. Историографические сведения представляют чрезвычайно противоречивые данные. Так, большинство отечественных историков усреднено упоминают следующие цифры: 60 тыс. турецких солдат, 40 тыс. татар [12, с. 249; 14, с. 66; 15, с. 159; 9, с. 325; 2, с. 153]. Дальнейшие уточнения основанные на актовых источниках подтверждают указанные данные, добавляя 19 тыс. молдаван и валахов (вспомогательного войска) и 35 орудий [5, с. 521; 1, № 89; 4, с. 20].

В источниках также упоминается различные варианты состава османской армии, в частности, в «Дневнике» П. Гордона: 1) 40 тыс. конницы, 20 тыс. янычар и прочей пехоты, молдаван и валахов 12 тыс., а также татары; 2) 15 тыс. янычар и пехоты, 30 тыс. конных турок и валахов и около 20 тыс. татар, имелось 28 орудий [6, с. 27].

Очевидно, что до тех пор, пока не будут ведены в научный оборот данные ту-рецких дефтеров (войсковых списков), решить этот вопрос удовлетворительно не представляется возможным. Пока же на основе актовых материалов Разрядного и Малороссийского приказов, так и посредством «Актов Юго-Западной России» нельзя подвести армию Османской Порты к единому знаменателю. Проанализировав имеющиеся источники, в своем исследовании В.Н. Заруба приходит к выводу, что османскую армию необходимо ограничить количественными рамками от 60 до 90 тыс. чел. и от 28 до 60 пушек [1, № 58]. Такой разброс объясняется тем, что, во-первых, подобные относительные границы вызваны сложностью точно определить татарское войско, во-вторых, вероятно, упоминанием вспомогательных войск (валахов, молдаван, турок) в боевых действиях, тогда как в действительности эти части в боях не участвовали. В любом случае, эти цифры нам представляются наиболее близкими к реальным и показывают, что они одна из сторон не имела решительного превосходства в силах и средствах.

Обороной Чигирин руководил генерал-майор А. Трауэрнихт, под командованием которого находился гарнизон русско-украинских войск, насчитывающий около 9 тыс. чел. В него входили три приказа стрельцов – Г. Титова, Н. Борисова и Ф. Мещеринова, всего 2197 чел. [6, с. 9; 1, № 21], солдаты полков Кровкова и Шепелева в количестве 1800 чел., четыре казацких полка, присланные гетманом Самойловичем общей численностью примерно 4500 чел., а также еще 500 чел. казаков прибыло в город перед приходом турок [17, с. 490].

По другим данным, количество обороняющихся было несколько больше, так к моменту осады численность достигла 12 тыс. человек, в том числе 7 тыс. казаков и около 5 тыс. солдат [5, с. 522].

Подошедшие к крепости 4 августа передовые отряды османской армии дважды были атакованы солдатами и казаками чигиринского гарнизона, которые затем отступили в крепость. Главнокомандующий османской армией Ибрагим-паша планировал захватить Чигирин за 3–4 дня. Поэтому после получения отказа сдать город приступил к организации осады. 5 августа, турки открыли огонь «ис пушек и из мелко ружья» по верхнему городу и Спасской башне. Турецкие пленные показали, что главной ударной силой османских орудий были «большие и средние все восемь пушек» калибром в 60 и 51 фунт. Крупнокалиберная турецкая артиллерия, без особых затруднений подавила чигиринские орудия и разрушила верхнюю часть стены: по свидетельству А. Лужина, Спасскую башню и стены «испробовали и верховые пушечные бои отбили и пушки с станков збили». Из города стреляли из среднего боя «и от Козья Рогу и от Дорошенковы тюрьмы ис пушек и из мелко ружья» «беспрестанно» [17, с. 493, 500].

П. Гордон также отмечает, что «благодаря искусству турецких канониров и неопытности русских, как в стрельбе, так и в укрытии орудий, турки скоро привели в негодность 17 наших пушек [6, с. 21]. Конечно, подобные выводы вполне логичны, но важно заметить, что источники не упоминают о наличии профессиональных пушкарей в русском гарнизоне, а пушки, доставшиеся от П. Дорошенко после сдачи города, были частично устаревшими и испорченными.

Командующий обороной генерал А. Трауэрнихт, назначая вылазку на рассвете 7 августа, вероятно, преследовал цель максимально затруднить и замедлить проведение осадных работ неприятеля, прекрасно понимая, что располагая такими скудными военными силами рассчитывать на большой успех не приходилось. Тем не менее, 1000 казаков и 500 русских, вооруженных секирами, полупиками и ручными гранатами, застали осаждавших спящими и отбросили их из передовых траншей [6, с. 21]. В сражении турки потеряли до тысячи человек, с русско-украинской стороны 30 убитых и 48 было ранено [15, с. 163].

Удачно проведенная вылазка вселила смелость в оборонявшихся и 10 августа новая вылазка была назначена на полдень. Войска опять имели смешанный состав – 600 стрельцов и 800 казаков [6, с. 21] (или 600 стрельцов и 500 казаков [17, с. 501]) под командованием подполковника И. Дурова. Турки, вероятно, не ожидая такой дерзости в дневное время, снова ретировались из траншей и апрошей к своим оруди-

ям. Потери османов исчислялись сотнями (явно преувеличенно), тогда как осаждавшие имели 26 убитых и вдвое больше ранено [6, с. 22]. Сложно объяснить, почему турецкие войска, занимавшие безопасные участки, не пришли на выручку своим братьям, тогда как, по данным полководца графа Монтекукули, современника османской армии XVII в. следует «вылазки против Турка с великой осторожностью предпринимай, сей неприятель в апрошах своих безмерно силен, а солдаты весьма между собой стоят» [13, с. 333].

Но локальный успех оборонявшихся не мог изменить общего хода осады. Общий штурм Чигирина был назначен турецким командующим на 17 августа. Воспользовавшись тем, что новая стена Спасской башни была непрочной, после бомбардировки турки смогли проломить оборону нового городского вала и ворваться в посад. Осажденные смогли оттеснить врага за городскую стену и восстановить укрепления. В тот же день была взорвана часть стены «против Дорошенковой тюрьмы», не причинив осажденным особых потерь. Очередной штурм был отбит. Но турки вели два подкопа к Верхнему городу под башню Козий рог, те подкопы стрельцы подкопали и засыпали землей. С предельно близкого расстояния турки стреляли «из болшаго снаряду и из верховых пушек гранаты» и «нарядными стрелами» для зажигания города. В крепости вспыхивали пожары, которые осажденные заливали водой и гасили «помелами». Особенный урон был от «верховых гранат», т.е. от mortarного огня, который не только убивал людей, но уничтожал запасы и имущество [17, с. 503].

Третья неделя осады, постоянный обстрел города, вылазки и штурмы могли психологически надломить защитников крепости. Однако приход 20 августа подкрепления, посланного Г. Ромодановским и И.Самойловичем, под начальством полуполковника Ф. Тумашева с 615 белгородскими драгунами и 800 сердюками, существенно повысил боевой дух осажденных [10, с. 137]. Конечно, это было крайне рискованное мероприятие, но вероятно, русская сторона была осведомлена, что татары не были расположены воевать и проход в крепость через татарские заграждения был выбран неслучайно.

Дальнейший ход осады, не содержит интересных моментов, которые требуют рассмотрения, вероятно, это связано, с тем, что турецкое командование поняло, что основная русская армия в достаточной близости от Чигирина и важность осады отошла на второй план. Но это несколько не умаляет героизма защитников крепости, делавших все возможное, чтобы отбить очередной штурм и выстоять под обстрелом.

Любопытным моментом в ходе осады требующим рассмотрения, стали взаимоотношения в стане русско-украинских войск. Зачастую в отечественной историографии явно приукрашивая действительность, рисуют некую идеальную модель боевого братства народов на основе взаимовыручки казаков и московских ратных людей в осажденном Чигирине. Попробуем абстрагировать от этой якобы идиллии прошлого, составив свою картину видения проблемы, тем более что современные реалии русско-украинских отношений, имеют много общего с теми давно минувшими временами.

Итак, Юрий Хмельницкий прислал в город грамоту убеждая своих малороссийских подданных подчиниться ему как «истинному и законному наследнику его отца — их освободителя» [6, с. 20]. Достаточно сложно сказать, дали ли казаки ответ «Князю Малороссийской Украины» и как он звучал. В частности у Гордона, по слухам есть следующая версия ответа: «что [турки] сперва должны силой взять русских в замке, и тогда не будет хлопот [с казаками]» [6, с. 20]. Данная версия выглядит достаточно правдоподобной в сложившихся условиях, тем более что тот же Гордон говорит следующие: «ибо за следующие 8 дней турки не выпустили по городу ни единого ядра и не вели никаких враждебных действий — для того ли, дабы возбудить рознь между русскими и казаками, или потому, что не желали донимать [казаков], поверив их ответу и надеясь на их нейтральность, — неясно» [6, с. 20].

Достаточно интересны исследования в преддверии первой Чигиринской кампании П.В. Седова, в которых историк приводит следующие данные об русско-украинском сотрудничестве: «Буде де што учинитца над нашим Дорошенком, вас де

мы всех выстимаем и за ноги из Чигирина вытаскаем, станут де ваше мясо пси есть, не усидеть вам будет и в Вышнем замку, вы де начаятсь, что вас много, а нас мало, зараз де и нас будет богато, а маскалем де Чигирином не владеть, дайте сроку, прирубим вас русских людей» [17, с. 489]. Комментарии, на наш взгляд, излишни, слова говорят сами за себя, но к счастью дальше угроз «москалям» дело не пошло.

В дальнейшем, в ходе Чигиринской осады 1677 г., заметив, что казаки тоже выступали вместе с русскими, турки начали подводить траншеи к городу, воздвигали форты и батареи... Русские, видя это, а также то, что никто из казаков не бунтует и они при всех случаях в ведут себя весьма храбро и твердо, стали им доверять и впустили в замок сперва 300, а затем и более...» [6, с. 22]. Таким образом, необходимо отметить, что сомнения в надежности казаков в решающий момент существовали, но «лыцари» продемонстрировав смелость и доблесть в бою с «басурманами» доказали свою приверженность православному царю в осажденном городе.

Однако после того как 28 августа 1677 г. турецкие войска сняли осаду и ушли из Малороссийского края, недоброжелательность казаками по отношению к русским ратным людям не только не прошла бесследно, а выразилась в новой форме, еще более оскорбительной для великороссов, вызывая сомнения профессиональных навыков царских ратных людей: «...казаки отзывались о поведении русских весьма презрительно, уверяя, что те были крайне малодушны и едва могли стоять на стене, не говоря о вылазках или мерах, дабы нанести урон неприятелю, пока (казаки) словом и делом не вселяли в них отваягу и уверенность» [6, с. 26].

Подводя итог, следует отметить, что измена малороссийских войск в Чигирине вполне могла проявиться в самый ответственный момент военной компании, тем более что причин к недовольству великороссийской стороной у украинцев было предостаточно. С другой стороны, хоть этого и не произошло, но поводов говорить о «военном братстве» исходя разве что только из православного единоверия, исторические источники нам не оставили. Данные источников рисуют скорее картину достаточно нестабильных отношений между союзниками, что неизбежно вело к порождению взаимного недоверия между ратными людьми с обеих сторон. Достаточно сложно говорить о доверии между войсками, когда чуть ли каждый гетман времен «Руины» искал большей «незалежности» для своей Родины, а будет она под турком, царем московским или короной польской, уже зависело от политической расстановки сил регионе. Явно прослеживаются исторические параллели с ситуацией в современной Украине и существующим расколом в обществе.

Однако вернемся к боевым действиям летом 1677 г. Наиважнейшим столкновением русско-украинских и турецко-татарских войск в Чигиринской компании 1677 г. стала переправа русско-украинской армии Днепра напротив Бужина и попытка турок противостоять ей. В целом эти события достаточно основательно представлены в источниках и хорошо освещены в имеющихся исследованиях. Нас же будут интересовать исключительно военных детали этой битвы.

24 августа 1677 г. русско-украинская армия вышла к Днепру у Бужинского переезда. В ночь на 27 августа на военном совете решено было форсировать охраняющуюся противником переправу. Той же ночью на правую сторону Днепра на трех больших стругах и в малых лодках выслали штурмовой отряд, чтобы отбросить турецко-татарские войска от реки. Посланный отряд, в который вошли тысяча выборного полка А. Шепелева во главе с подполковником Семеном Воейковым, солдатский полк Самойла Вестова во главе со своим полковником и сводный отряд добровольцев из казачьих полков И. Самойловича, должен был создать плацдарм на противоположном берегу и обеспечить переправу основной части армии [11, с. 563–564]. При подготовке переправы русские к ночи незаметно доставили на остров, свободный от турецких окопов, несколько десятков самых дальнобойных орудий, укрыто их расположили и навели на вражеские окопы [1, № 80]. Эта огневая поддержка создала незаменимую огневую помощь переправлявшимся, создавая при этом определенное психологическое давление на турецко-татарские войска. Рассчитывая на внезапность

под прикрытием ночной темноты, отряд планировал беспрепятственно достигнуть другого берега.

Однако незамеченными русско-украинским войскам переправиться не удалось, турки открыли сильный огонь, который впрочем, был мало эффективен в ночное время. Переправившись, ударный отряд «решительно напал на турецкие дозоры». После непродолжительного боя при поддержке артиллерии плацдарм был занят, а турецко-татарские войска отступили. Потери с российской стороны, по данным П. Гордона, составили 8 или 10 человек [6, с. 13]. Дальнейшая переброска войск проходила без существенных осложнений, этому способствовало, правильное решение командующего расширить плацдарм и окапаться на случай атаки османской армии. Которая последовала во второй половине дня 27 августа «и ратные люди и войско запорожское учинили с Турки бой... и был бой с обеда часа с три... и видя Турки и орда отпор крепкой...учали уступати, и с того места уступили в поля к Крылову» [1, № 80]. 28 августа полковник Косагов получил приказ от воеводы отправиться для «взятья языков к подъезду» и «выбрав из полков конных знатных и добрых людей» совместно с компанейцами Новицкого и Павловского, с конными войсками черниговского полковника В.К. Дунина-Борковского совершить атаку на турецкий лагерь [7, с.47]. Об успехе этой атаки говорят сведения, что «на том бою убито начальных 3 человека мурз, кроме беев, и Турков и Татар». В результате неудачных сражения потери османской армии только за два дня кампании достигли до 10 тыс. человек. Поэтому отвод основных войск обратно к Чигирину, а затем принятие решения о полномасштабном отступлении выглядит вполне логичным, ввиду недопущения полного разгрома превосходящими силами противника.

После рассмотрения узловых моментов военной компании 1677 г., постараемся проанализировать качественный уровень различных войск участвовавших в указанных сражениях. Как уже упоминалось в Чигиринской осаде с русской стороны участвовало три приказа стрельцов в количестве 2200 чел. и солдаты из полков Кравкова и Шепелева насчитывающие 1800 чел. Данные источников касательно обороны Чигирина, к сожалению далеко не всегда различают солдат и стрельцов, зачастую объединяя их под одним общим названием «московских ратных людей» или указывают только один род войск, вероятно подразумевая два. К тому же в вылазках участвовали объединенные русско-украинские войска, что также затрудняет первоначальную задачу индуктивных изысканий.

Как вариант определения качественного уровня русского гарнизона для корреляции войск, можно использовать суммарный подсчет количества потерь 530 казаков и 136 стрельцов [5, с. 524], но такая разница с одной стороны объясняется тем что казаки обороняли менее укрепленный нижний город, тогда как с другой стороны, начало обстрела нижнего города началось, скорее всего 8–9 августа, в то как время солдаты и стрельцы в крепости подверглись обстрелу турецкой артиллерии уже 5 августа, конечно, это не может служить свидетельством тому, что уровень военного превосходства «москалей» над «хохлами» 1 : 4, но в целом определяет картину произошедшего.

Если суммировать вышеуказанные особенности Чигиринской осады, то главными достоинствами русских войск, являлся активный характер обороны выраженный в своевременном проведенных вылазках как под прикрытием ночной темноты, так и в дневное время суток в расчете на эффект неожиданности. Удачное использование в окопных схватках ручных гранат, наносивших максимальный урон противнику, отмечается практически во всех источниках и исследованиях. В тоже время неумелое противодействие минным атакам турок, исключительно посредством ям и пещер для прохода пороховых газов [6, с. 22–23], говорит о том, что в российском гарнизоне не было специалистов фортификационного дела, что выглядит достаточно странно, если учесть, что во время осады в крепости находился военный инженер фон Фростен.

В том числе, основная русская армия под командование Г.Г. Ромодановского осуществляя переправу через Днепр, на виду османской армии, занимающую сильную оборонительную позицию, с успехом справилась с поставленной задачей. В зна-

чительной степени этому поспособствовало внедрение интересной тактической задумки, выраженной в использовании хорошо замаскированной дальнобойной артиллерии, при высадке и закреплении десанта в ночное время суток. Дальнейшие бои показали полное превосходство русско-украинских войск над противником. Подобный результат необходимо связывать с правильным использованием ударных подразделений русской армии, которые в большинстве своем имели регулярный характер, а значит находились на более высокой ступени военной выучки. Как говорил граф Монтекукули: «Варварские народы всю свою силу и надежду ставят в великом числе и в свирепстве людей; а христианская регулярная армия уповает на храбрость, и добрый порядок войск своих» [13, с. 212].

К негативным составляющим, понижающим военный уровень русской армии в кампанию 1677 г., во-первых, следует отнести медлительность сборов ратных людей и движения к Чигирину, только 24 августа объединенная русско-украинская армия вышла к Днепру. Во-вторых, слабость дисциплины, так в армии Ромодановского количество нетчиков составило 14,7%. В-третьих, местнические счеты между Г.Г. Ромодановским и В.В. Голицыным, делавшие невозможным контакт между двумя командующими. Но в целом качество военной выучки российских войск, находилось на достаточно высоком уровне, исходя из столкновений с турецкой армией.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Санкт-Петербург, 1884. Т. 13. 766 с. (АЮЗР)
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История малой России. Москва, 1842. Ч. 2. 223 с.
3. Богданов А. П. Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61–71.
4. Богданов А. П. Освобождение Украины // Рейтар. 2006. № 3. С. 6–28.
5. Водарский Я. Е., Новосельский А. А. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Москва, 1955. С. 518–531.
6. Гордон П. Дневник 1677–1678. Москва: Наука, 2005. 235 с.
7. Заруба В. Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков: Основа, 1993. 167 с.
8. Косиненко Н. И. Первая русско-турецкая война семилетняя война. Чигиринские походы 1677–1678 г. Санкт-Петербург, 1911. 96 с.
9. Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Москва: Чарли, 1995. 800 с.
10. Летопись Самовидца. Киев, 1878. 468 с.
11. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. Москва: Древлехранилище, 2006. 624 с.
12. Маркевич Н. История Малороссии. Москва, 1842. 673 с.
13. Монтекукули Р. Записки Раймунда графа Монтекукули, генералиссимуса цесарских войск, генерал-фельдцейгмейстера и кавалера Златаго Руна или главные правила военной науки вообще. Москва, 1760. 452 с.
14. Павлицев Н. И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украины. Санкт-Петербург, 1878. Т. 3. 243 с.
15. Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1853. Т. 8. С. 143–179, 285–328.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Разрядный приказ, оп. 13. Столбцы Белгородского стола, оп. 19. Столбцы Севского стола.
17. Седов П. В. Оборона Чигирин в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Санкт-Петербург, 2002. С. 484–508.

References

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of southern and western Russia, collected and published-WIDE Archaeological Commission]. St. Petersburg, 1884, vol. 13, 766 p.
2. Bantysch-Kamensky D. N. *Istoriya maloy Rossii* [History of Little Russia]. Moscow, 1842, part 2, 223 p.
3. Bogdanov A. P. *Neizvestnaya vojna tsarya Fedora Alekseevicha* [Unknown War Tsar Fedor Alekseevich]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History magazine]. 1997, no. 6, pp. 61–71.

4. Bogdanov A. P. Osvobozhdenie Ukrainy [The liberation of Ukraine]. *Reyter* [Reiter], 2006, no. 3, pp. 6–28.
5. Vodarsky Y. E., Novoselskiy A. A. Mezhdunarodnoe polozhenie Russkogo gosudarstva i russko-tureckaya voyna 1676–1681 gg. [International position of Russian-the state and Russian-Turkish war of 1676–1681 years]. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII vek* [Essays on the History of the USSR. feudalism period. XVII century]. Moscow, 1955. pp. 518–531.
6. Gordon P. *Dnevnik 1677–1678* [Diary 1677–1678]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 235 p.
7. Zaruba V. N. *Ukrainskoe kazatskoe voysko v borbe s turetsko-tatarskoy agressiey (poslednyaya chetvert XVII v.)* [Ukrainian Cossack army to fight in the struggle against the Turkish-Tatar aggression (last quarter of the XVII century)]. Kharkov, Basis Publ., 1993, 167 p.
8. Kosinenko N. I. *Pervaya russko-tureckaya voyna semiletnyaya voyna. Chigirinskiye pohody 1677–1678 g.* [The first Russian-Turkish War of the Seven Years War. Chigirinsky hikes of 1677–1678]. St. Petersburg, 1911, 96 p.
9. Kostomarov N. I. *Ruina. Mazepa. Mazepincy* [Ruin. Mazepa. Mazepians]. Moscow, Charlie Publ., 1995, 800 p.
10. *Letopis Samovidtsa* [Annals Samovydets]. Kiev, 1878, 468 p.
11. Malov A. V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoey istorii. 1656–1671 gg.* [Moscow elective shelves soldier system in the initial period of its history. 1656–1671]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, 624 p.
12. Markevich N. *Istoriya Malorossii* [History of Little Russia]. Moscow, 1842, 673 p.
13. Montekukoli R. *Zapiski Raymunda grafa Montekukuli, generalissimusa tsesar-skikh voysk, general-feldtseygmeystera i kavallera Zlatago Runa ili glavnye pravila voennoy nauki vooobshche* [Notes Raymond Earl Montekukuli, Generalissimo Cesar-ing troops, general and Knight feldtseygmeystera Zlatago fleece or basic rules of military science in general]. Moscow, 1760, 452 p.
14. Pavlishchev N. I. *Polskaya anarhiya pri Yane Kazimire i voyna za Ukrainy* [Polish anarchy at Jan Kazimierz and war for Ukraine]. St. Petersburg, 1878, vol. 3, 243 p.
15. Popov A. *Turetskaya voyna v tsarstvovanie Fedora Alekseevicha* [Turkish War in the reign of Theodore Alexeevich]. *Russkiy vestnik* [Russian Gazette], 1853, vol. 8, pp. 143–179, 285–328.
16. *Russian State Archive of Ancient Documents*, the found 210. Razryadnyy prikaz, inventory 13. Stolbtsy Belgorodskogo stola, inventory 19. Stolbtsy Sevskogo stola.
17. Sedov P. V. *Oborona Chigirina v 1677 g.* [Defense Chigirin in 1677]. *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* [Russian state in the XIV–XVII centuries.]. St. Petersburg, 2002, pp. 484–508.

НАРОДНАЯ МИЛИЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Орнацкая Татьяна Александровна, кандидат исторических наук
Академия метрологии, стандартизации и сертификации
Российская Федерация, 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 65
E-mail: ota12@ya.ru

Дальневосточная республика – уникальное буферное образование, сформированное в 1920–1922 гг. на Дальнем Востоке для предотвращения ведения Советской Россией боевых действий на два фронта. Формирование государственных органов буфера на основе классовых принципов было крайне затруднительным. Значительный процент крестьянского населения, практически полное отсутствие пролетариата, партийно-политическая пестрота региона, сопряженные с высоким уровнем преступности, фиктивностью границ и значительным количеством белых армий, делали практически не выполнимыми директивы ЦК РКП (б). Нехватка специалистов, пробелы, а зачастую отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей сферу деятельности органов внутренних дел, приводило к неразберихе, дублированию функций государственных органов ДВР, параллелизму в их работе. В статье рассматривается процесс комплектования и особенности подготовки кадров милиции буфера. Ориентация на политическую благонадежность при комплектовании руководящего и низового состава милиции ДВР привела к росту преступности, в том числе и среди сотрудников правоохранительного органа. Отсутствие специальных знаний, а зачастую малограмотность не давали возможности повышения профессионального уровня милиционеров. Открытие курсов и школ подготовки кадров для работы в милиции обнажило проблемы уровня общего развития населения, неприятие им идеологии советской власти. Завершение в октябре 1922 г. гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке поставило перед партийными функционерами задачу совети-